

— Это само собой разумеется, — Цай Сяовэнь приняла очень серьезный вид и продолжила с расстановкой: — Я считаю, что гончару мало просто хорошо делать свое дело, методы торговли тоже можно усовершенствовать. Сейчас керамику выставляют в лавках и ждут, пока покупатель придет сам. Почему бы не ходить по улицам и переулкам, как коробейники, выкрикивая товар?

Услышав столь торжественное предложение, Су Ю наконец отложила палочки, немного подумала и рассмеялась:

— Не всякий товар подходит для уличной торговли. Например, овощи — другое дело, их можно предлагать вразнос. Рядом с моей лавкой овощной рынок, я часто их слышу. Кхм-кхм... — Су Ю прочистила горло и принялась передразнивать: — Овощи продаю! Свежая кинза, острый перец, зеленый сельдерей! Чеснок, хороший лук, зимняя тыква, крупная, как ведро! Тетушка, возьмите пучок зелени, она такая свежая, что сок брызжет!

— Ха-ха-ха... — Цай Сяовэнь залилась звонким смехом. — Ты так похоже изобразила!

— Видишь, выкрики овощников звучат приятно. А если мы, гончары, начнем зазывать покупателей, это будет звучать совсем иначе. Слушай: Керамику продаю! Желтая глина, черная глазурь, двухцветный чайник-поросенок! Чайники, винные кувшины, двухъярусные кубки на высокой ножке! Тетушка, возьмите чайник-поросенка, постучишь по нему — звенит как колокольчик!

— Ха-ха-ха-ха-ха... — Цай Сяовэнь так смеялась, что уткнулась лицом в руки и не могла разогнуться.

— К тому же, кто станет носить на коромысле такую тяжелую и хрупкую керамику? В нашем деле нужно выставлять товар в лавке и ждать гостя. Если человек сегодня ест свиную голову и слышит крик овощника, он может купить пучок зелени на гарнир. Но если у него уже есть подходящая посуда для воды, он не станет покупать новый керамический кувшин. А если говорить о том, есть ли способ прославиться, то он существует.

Услышав это, Цай Сяовэнь тут же выпрямилась и с жаром воскликнула:

— Старшая сестра, говори скорее!

— Через чиновников и купцов — сделать так, чтобы лучшие образцы керамики попали к императорскому двору! Если императорская семья полюбит керамику... скажем, если сам император начнет пользоваться ею, то она неминуемо станет популярной во всей Поднебесной.

— Верно! — Цай Сяовэнь горячо поддержала ее и с надеждой посмотрела на Су Ю: — Вся надежда на тебя!

Пф, еще неизвестно... Су Ю наполнила чашу из чайника-поросенка, залпом выпила и про себя усмехнулась: возможно, именно твой поросенок сможет вызвать улыбку у принцессы...

После обеда Цай Сяовэнь убрала посуду и, как обычно, заварила чай. К чаю подали те самые зимние финики. Су Ю уже поднесла чашку ко рту, как вдруг ей приспичило в уборную. Когда она, почувствовав облегчение, вернулась, то увидела, что финики рассыпаны по всему столу, а Цай Сяовэнь лежит рядом и не шевелится.

— Сяовэнь! Сяовэнь! — Цай Сяовэнь не двигалась. У Су Ю от страха подкосились ноги, она стала изо всех сил трясти подругу: — Что с тобой?! Сяовэнь, Сяо...

Цай Сяовэнь медленно подняла голову. Ее щеки пылали, а на губах блуждала туманная улыбка:

— Эти финики... они же в вине...

— Сяовэнь... что ты творишь?! — Су Ю пятилась шаг за шагом, пока не уперлась в край кушетки и не села, опираясь руками о поверхность и с ужасом глядя на медленно приближающуюся Цай Сяовэнь.

Цай Сяовэнь стояла, согнувшись, ее руки безвольно покачивались у колен. Помимо пылающих щек и мутного взгляда, в уголках ее рта застыла странная, пугающая улыбка.

Су Ю было не по себе от такого зрелища. Трудно поверить, что Цай Сяовэнь так набралась всего от нескольких винных фиников. Су Ю вспомнила, что холодное полотенце на лицо помогает протрезветь, и поспешила встать. Но не успела она выпрямить колени, как Цай Сяовэнь схватила ее за запястья и рывком повалила обратно на кушетку.

— Ах! Что ты делаешь?! — Су Ю больно ударилась, полулежа на кушетке и опираясь на локти. Только она собралась подняться, как Цай Сяовэнь стремительно навалилась сверху. Су Ю не могла ни встать, ни лечь, поэтому уперлась левым локтем в кушетку, а правой рукой прикрыла грудь, глядя в лицо подруге.

Цай Сяовэнь склонила голову набок, разглядывая Су Ю так, словно видела ее впервые. Ее лицо горело, и Су Ю чувствовала исходящий от нее жар, даже не прикасаясь. Цай Сяовэнь была так близко, что Су Ю невольно отвела взгляд. Но не успела она отвернуться, как Цай Сяовэнь двумя пальцами ухватила ее за подбородок.

— Старшая сестра... куда ты собралась... — Цай Сяовэнь прищурилась, улыбаясь по-прежнему загадочно.

Цай Сяовэнь, ну ты и даешь! Су Ю застыла, не сводя глаз с подруги и опасаясь, что та выкинет еще что-нибудь. Сяовэнь... ты... Обычно после этого следует наклон, приближение, объятие за

талию, поцелуй... подумала Су Ю. Но после вчерашнего случая с маской-поросенком она не надеялась на подобный исход. И все же, крошечная вероятность оставалась... Осознав, что в глубине души она чего-то ждет, Су Ю от стыда закусила губу.

Цай Сяовэнь наклонилась еще ниже и прошептала ей на ухо:

— Тебе все равно некуда идти...

Подбородок Су Ю все еще был в руках у подруги, в голове царил туман, она не понимала, что происходит. Еще хуже было то, что ее собственные щеки тоже начали гореть. К счастью, тело перестало быть таким скованным. Она попыталась правой рукой оттолкнуть Цай Сяовэнь, но та снова перехватила ее запястье. Су Ю запаниковала и выпалила:

— Цай Сяовэнь! Прекрати безобразничать!

Одной рукой удерживая подбородок, другой — запястья, Цай Сяовэнь улыбнулась еще шире и, вглядываясь в лицо Су Ю, произнесла низким голосом:

— Старшая сестра меня обижает...

Тьфу! Су Ю была так возмущена, что чуть не выругалась: в такой-то позе кто кого обижает?!

— Сяовэнь, ты пьяна! — едва сказав это, она захотела дать себе пощечину: боже мой, всего-то несколько фиников! Даже стыдно называть это опьянением! Она уже не думала о поцелуях, ей хотелось лишь остановить это безумие. Она начала отчаянно вырываться. Но Цай Сяовэнь занималась боевыми искусствами, и в пьяном виде ее сила была необычайной — Су Ю, которая задыхалась даже при беге, было не совладать с ней.

— Цай Сяовэнь! Приди в себя... А! — Цай Сяовэнь вскочила коленом на кушетку, с силой прижала Су Ю к поверхности, выпустила ее подбородок и крепко сжала оба запястья. Она снова склонила голову, разглядывая Су Ю, и ее горячие губы заскользили совсем рядом с ее щекой.

Су Ю была готова заплакать... Сбежать невозможно, вырваться тоже, а если решиться и поцеловать самой... она просто не могла. В отчаянии Су Ю зажмурилась и пролепетала:

— Если ты посмеешь поцеловать меня в таком состоянии, я с тобой разделаюсь!

Услышав это, Цай Сяовэнь замерла, перестала улыбаться и с серьезным, печальным видом сказала:

— Послушай, как я пою.

Что?! Услышав это, Су Ю открыла глаза, смущение немного отступило. Она впервые видела на лице Цай Сяовэнь печаль и пробормотала:

— У тебя еще и такое хобби? Ну... пой, раз хочешь.

Су Ю не знала, что Цай Сяовэнь, как и она, любит читать. Только она предпочитала стихи и статьи, а Цай Сяовэнь — романы. За исключением запрещенных или вульгарных книг, она читала все подряд. Начитавшись, она сама захотела придумывать истории. Увы, не хватало терпения и мастерства, поэтому все те запутанные, драматичные сюжеты, которые она придумывала в уборной или перед сном, оставались только у нее в голове. Но сейчас было другое дело... Как говорят, вино развязывает язык. С древних времен вино и поэзия неразлучны. Хотя Цай Сяовэнь съела всего несколько фиников, для нее этого оказалось достаточно, чтобы сконцентрировать в словах свои выдуманные истории...

— Плач ворон, иней падает на листья, далекий лесоруб, умолкшая флейта... Осень покрыла воды У и Юэ, речной ветер рыдает, тоскуя о разлуке... — Цай Сяовэнь продолжала удерживать Су Ю, начав петь. К удивлению Су Ю, пела она довольно неплохо. Но вот текст... — Весна ушла, осень пришла, не заметив, как пролетел год. Обернувшись назад, я вижу лишь цветы, что цвели тогда. Годы вдали от дома, вдали от мирской суеты. Луна зашла, вздох о бессонной ночи. Не забыть ту ночь в снегу, когда ты была рядом...

— Сяовэнь... — Су Ю не выдержала и слабо запротестовала: — Можно не быть такой поэтичной? Мне немного не по себе...

Цай Сяовэнь не обращала внимания и продолжала:

— Взмахнул сломанным мечом, обошел горы и реки, лишь тогда понял, как далек мир цзянху. Рукав скрывает лицо, при дворе бушуют страсти, а ты восходишь на трон. Молча смотрим друг на друга, без слов разрывая узы, клянясь никогда не встречаться. Дела страны, дела мира, так и живем...

Су Ю наконец поняла, что песня — это история. История о том, как правитель вынужден расстаться с любимой ради блага страны. Она вдруг осознала, что печаль на лице Цай Сяовэнь — не настоящая, она просто вошла в роль. Не успела она об этом подумать, как Цай Сяовэнь коснулась ее щеки и с чувством запела:

— Если в прошлой жизни судьбой было предписано расставание, зачем мы встретились в этой? Режу воду ножом — вода течет быстрее, как же прервать эту связь? Навсегда прощаюсь, на краю света...

— Сяовэнь... — Су Ю была очарована взглядом подруги и невольно потянулась рукой к ее лицу. Но стоило ей поднять запястье, как Цай Сяовэнь прижала его обратно. Она даже не заметила порыва Су Ю и продолжала петь:

— Кровь льется рекой, а на губах — яркая улыбка. Обернувшись, не успела сказать тысячи слов, а слезы уже льются ручьем. Цветы персика осыпались этой ночью, в городе тишина. Почему ты скрываешь свою заботу? Ах... ах... ах...

Су Ю окончательно поняла, что Цай Сяовэнь погрузилась в свои фантазии. Вынужденно лежа на спине, она уставилась в потолок, решив больше не реагировать. Цай Сяовэнь пьяна, а она — на удивление трезва. Все шло под контролем, ничего из ряда вон выходящего не случилось. Вроде бы стоило почувствовать облегчение, но в сердце поселилось странное чувство утраты, и она просто заставляла себя дослушать пение.

— На плечах — ответственность за восемь сторон, негде спрятать личные чувства. Отдать весь мир, лишь бы снова обняться в ту снежную ночь. В конце концов, увидев твою улыбку, я поняла, что сердце успокоилось. Любовь, мирская суета, так и живем.

Су Ю поняла, что это конец, и, зевнув от скуки, сказала:

— Раз допела, мойся и ложись спать...

Но не успела она договорить, как Цай Сяовэнь начала вторую песню...

На следующее утро разыгрался сильный ветер, тяжелые тучи нависли над городом Юйфэн. Дождь барабанил по окнам. Цай Сяовэнь проснулась от шума, с трудом открыла глаза и приподнялась.

— Ой, как болит... — она потерла ноющие виски, нахмурившись. — Я вчера напилась? Точно, старшая сестра... А! Старшая сестра! Ты меня напугала! Кхм... — она попыталась громче позвать, но тут же зашлась кашлем.

Су Ю лежала под одеялом рядом с ней, на боку, подперев голову рукой, и невозмутимо смотрела на нее. Вот почему Цай Сяовэнь испугалась.

— Кхм! Кхм-кхм... Почему голос пропал? — Цай Сяовэнь в недоумении кашляла. Голова болела от похмелья, признаков простуды не было. Она забыла все, что было ночью, и не знала, что голос можно сорвать пением.

Су Ю продолжала спокойно смотреть. Наконец, она моргнула и холодно бросила:

— Поделом.

Эти слова честно отражали ее состояние... Прошлой ночью Цай Сяовэнь спела семь песен подряд. Помимо истории о правителе, Су Ю услышала о воительнице, о приключениях в гробницах, о призраках, о героях Трехцарствия и даже о ссоре невестки со свекровью... Су Ю, уставшая за день, как могла выдержать такой поток творчества? На шестой песне у нее

слипались глаза. Когда она уже была готова провалиться в сон, Цай Сяовэнь закричала: Я спую еще одну! Этот крик напугал сонную Су Ю, а саму Цай Сяовэнь лишил голоса... Теперь же, слушая ее кашель, Су Ю думала: хорошо, что голос пропал, а то она бы сама его отобрала.

Цай Сяовэнь не знала, какие мысли бродят в голове у Су Ю, и продолжала упрячиться:

— Чего ругаешься?! Кхм... Хм? — она что-то вспомнила, пошарила под одеялом и обнаружила, что на ней нет штанов, а ноги босые. Она не помнила, сама ли разделась, и воскликнула: — Хм? Хм-хм?!

— Что хм-хм! Я тебя раздела! — Су Ю по-прежнему смотрела на нее сурово. Она была не в духе из-за того, что всю ночь боролась с противоречивыми чувствами. Ей хотелось многого, но разум твердил: нельзя. И когда разум побеждал, она презирала себя за эти желания. Она была зла на эту бестолковую москитку. Зла за то, что та напилась от нескольких фиников, за то, что, напившись, только пела, не зная, что такое пьяные выходки. И за то, что пела такие вычурные песни. Когда Цай Сяовэнь, охрипнув, закончила петь и без сил рухнула в ее объятия, Су Ю хотелось сначала придушить себя, а потом эту москитку.

— Ты меня раздела! — Цай Сяовэнь не могла кричать и лишь прошептала с девичьим стыдом: — Ой... ой-ой-ой... — она представила, как Су Ю снимала с нее слои одежды — жилетку, штаны, нижнее белье... Ой, еще и носки. Получается, она ее всю ощупала... Цай Сяовэнь покраснела и прикрыла грудь. На самом деле, она зря волновалась. Су Ю тогда было не до того. К тому же, она хотела бы мечтать о взаимной любви с Сяовэнь, а не о пьяной девице, которая ее в упор не видит.

Цай Сяовэнь озиралась по сторонам, пытаясь отвлечься от стыда, и увидела на столе тряпицу. Она догадалась, откуда она здесь, и напряглась.

— Старшая сестра, эту тряпку ты взяла с подставки для таза?

— Угу... Хотела, чтобы ты выспалась. Умыла тебя, ноги протерла.

— А! — Цай Сяовэнь издала сдавленный крик, ее лицо исказилось.

Су Ю осталась невозмутима:

— Чего боишься. Я сначала умыла лицо, а потом протерла ноги.

Цай Сяовэнь надулась, готовая заплакать:

— Но это же тряпка для ног!

— ... — Су Ю уставилась на нее, несколько раз моргнула, затем молча села, раскрыла ладони и вытерла их о нижнее белье Цай Сяовэнь...

В конце концов они встали. Су Ю быстро умылась и оделась.

— Сяовэнь, одолжи зонт.

— За дверью есть. Не будешь завтракать?

— Не успеваю, куплю по дороге. Сегодня купцы уезжают в столицу, нужно разобраться с официальной керамикой.

Цай Сяовэнь подумала, что в гончарном деле ей до Су Ю далеко, и искренне восхитилась:

— Здорово, что ты делаешь официальную керамику.

Су Ю завязала пояс и улыбнулась:

— Тоже хочешь?

— Я?.. — Цай Сяовэнь протянула ответ, словно спрашивая саму себя: — Хочу... конечно, хочу! Делать официальную керамику — значит быть лучшей в городе. Поэтому этим всегда занимаются гончары девятого ранга. Госпожа Су и мастер Цай уже делали ее, теперь очередь Су Ю. У Цай Сяовэнь пока нет такой квалификации.

— Тогда в следующем году постарайся победить меня и получи девятый ранг! — Су Ю подошла к столу, взяла чайник-поросенка и спросила: — Мне нравится этот чайник. Подаришь?

— А... — Цай Сяовэнь засомневалась, ведь это был ее любимый чайник. Но подумав, что это для Су Ю, она легко кивнула. Однако не желая оставаться в долгу, она достала из ящика чертеж ночного горшка и сказала: — Подари и мне чайник. Вот чертеж.

— Без проблем. — Су Ю взяла чертеж, не глядя сунула за пазуху и поспешила за зонтом. Цай Сяовэнь вдруг что-то вспомнила и крикнула вслед: — Что хочешь на ужин? Голос был сорван, крик не получился, и ей пришлось смотреть, как Су Ю уходит под дождем. Цай Сяовэнь оперлась о дверной косяк, ее лицо стало грустным: Эх... почему я так привыкла к этой Юцзы... Но старшая наставница скоро вернется. Завтра Юцзы уже не придет...

Тем временем господин Чжоу, отдохнув, выздоровел и собирался в столицу. Су Ю пригласила его к себе, чтобы передать последнюю партию керамики девятого ранга и проводить его. Во время болезни он много размышлял и многое понял. Золото не бывает абсолютно чистым, люди не бывают совершенными — такие простые истины он раньше не понимал. Вспоминая ту

чиновничью дочку, которую он презирал, он находил ее довольно милой. Хотя тот обед был шоком, его любовь к Су Ю прошла. Но он был благодарен ей за урок и с радостью принял приглашение.

Су Ю тоже была благодарна господину Чжоу за то, что он позволил ей досыта наесться в ресторане. Этот обед заложил основу их странной дружбы. Поэтому, поднимая чашки с чаем, они молча признали друг в друге хороших людей.

Господин Чжоу опустил чашку и улыбнулся:

— Товар весь пересчитан. Твоя керамика девятого ранга оправдывает свое имя, мне все нравится.

Су Ю ответила:

— Господин Чжоу, вы мне льстите. Мне стыдно, что я так и не смогла сделать керамику, которая пришлась бы по душе принцессе.

— Ну что вы. Отец говорил, что стиль гончара трудно изменить. Не нужно себя заставлять. К тому же, может, принцессе и нравится твоя керамика. — Чжоу утешал ее, но в душе разочаровался. Если керамика Юйфэна не завоеует благосклонность принцессы, то в торговой палате позиции керамики Исина останутся сильнее.

В этот момент Су Ю принесла вино, чтобы проводить гостя. Посреди стола стоял тот самый чайник-поросенок. Су Ю лично разлила вино и подняла чашу:

— Желаю вам счастливого пути!

Господин Чжоу потянулся к чаше и воскликнул:

— Бронзовая чаша! Какая честь... Госпожа Су, вы так добры ко мне, я... — он не договорил, его взгляд упал на чайник-поросенка. Он не стал брать чашу, а взял в руки чайник. — Это... это прекрасно! — он был в восторге, вертя поросенка в руках: — Это просто чудо! Как оригинально и забавно! Почему ты не показала его раньше!

<http://bllate.org/book/18936/1855601>